

Научная статья

УДК 327+339.9

EDN TONQIQ

DOI 10.17150/2587-7445.2024.8(3).193-205

Место и роль Синьцзян-Уйгурского автономного района в экономических отношениях Китая со странами Центральной Азии в 2000-е гг.

Д.В. Буяров

Благовещенский государственный педагогический университет,

г. Благовещенск,
Российская Федерация

Дата поступления:

07.05.2024

Дата принятия к печати:

18.10.2024

Дата онлайн-размещения:

05.11.2024

Аннотация. Синьцзян-Уйгурский автономный район (СУАР) и страны Центральной Азии связывают географическое соседство, история этнических контактов, культурно-религиозная общность. С начала 1990-х гг. Китай, решая свои геополитические и экономические задачи, стал использовать СУАР в политике распространения на государства Центральной Азии сферы своего влияния. Интересы Китая в центральноазиатском регионе с одной стороны обусловлены быстро растущими потребностями в природном сырье и в первую очередь в энергоресурсах, а с другой стороны — базируются на стремлении обеспечить региональную безопасность. В 2000-е гг. отношения между КНР и странами Центральной Азии развиваются поступательно, что проявляется в росте двустороннего товарооборота, инвестициях, строительстве инфраструктурных объектов, культурно-образовательном сотрудничестве. Но именно экономические отношения были и остаются приоритетными и приносящими больше выгоды китайской стороне. Из стран Центральной Азии в СУАР завозятся в основном непереработанные природные ресурсы, а вывозится промышленная продукция. В рамках предпринятого исследования внимание акцентируется на месте и роли Синьцзяна в отношениях КНР с Центральной Азией. СУАР является беспокойным регионом КНР и характеризуется сепаратистскими настроениями и террористической угрозой. Политика Китая в Центральной Азии направлена на снижение этой опасности, на обеспечение вокруг своих границ пояса стабильности. В тоже время экономическое развитие Синьцзяна отвечает общим интересам Китая, а место Синьцзяна во внешней политике КНР является преимущественно прагматическим и экономическим. СУАР является элементом геополитической стратегии Китая и его роль заключается в том, чтобы служить экономическим мостом между КНР и центральноазиатскими государствами. Целью исследования является выделение основных тенденций экономического взаимодействия Синьцзян-Уйгурского автономного района со странами Центральной Азии и характеристика его роли в политической стратегии КНР.

Ключевые слова. Китай, Центральная Азия, Синьцзян-Уйгурский автономный район, торгово-экономические отношения, инициатива «Один пояс, один путь», проблемы региональной безопасности.

科学文章

新疆维吾尔自治区在2000年代中国与中亚国家经济关系中的地位和作用

D.V. Buyarov布拉戈维申斯克国立师范大学,
布拉戈维申斯克市, 俄罗斯联邦结稿日期: 2024年05月07日
出版日期: 2024年10月18日
网上出版日期: 2024年11月05日

摘要: 新疆维吾尔自治区与中亚国家地理位置相近、民族交往历史悠久、文化宗教相通。20世纪90年代初以来, 中国为解决地缘政治和经济问题, 开始利用新疆向中亚国家拓展势力范围。中国在中亚地区的利益一方面受其对天然原材料(主要是能源资源)快速增长需求的驱动, 另一方面也是基于确保地区安全的愿望。2000年代, 中国与中亚国家关系不断发展, 具体表现在双边贸易额、投资、基础设施建设、文化教育合作等方面的增长。但经济关系一直是、仍然是优先领域, 为中方带来更多利益。从中亚国家进口的主要是未加工的自然资源, 出口的是工业产品。作为所进行研究的一部分, 重点关注新疆在中国与中亚关系中的地位和作用。新疆维吾尔自治区是中华人民共和国的一个动荡地区, 具有分裂主义情绪和恐怖主义威胁。中国在中亚的政策旨在减少这种危险并确保其边境周围的稳定带。同时, 新疆的经济发展符合中国的整体利益, 新疆在中华人民共和国外交政策中的地位主要是务实性和经济性的。新疆是中国地缘政治战略的一部分, 其作用是充当中国与中亚国家之间的经济桥梁。本研究的目的是强调新疆维吾尔自治区与中亚国家经济互动的主要趋势, 并描述其在中华人民共和国政治战略中的作用。

关键词: 中国, 中亚地区, 新疆维吾尔自治区, 经贸关系, 一带一路倡议, 区域安全问题。

Original article

The Place and Role of the Xinjiang Uygur Autonomous Region in China's Economic Relations with Central Asian States in the 2000s

D.V. BuyarovBlagoveshchensk State
Pedagogical University,
Blagoveshchensk,
Russian FederationReceived: 2024 May 7
Accepted: 2024 February 29
Available online: 2024 November 5

Abstract. The Xinjiang Uygur Autonomous Region and the countries of Central Asia are connected by geographical proximity, history of ethnic contacts, cultural and religious community. Since the early 1990s, China, solving its geopolitical and economic problems, began to use the XUAR in the policy of extending its sphere of influence to the states of Central Asia. On the one hand, China's interests in the Central Asian region are conditioned by the rapidly growing needs for natural raw materials and, first of all, energy resources, and on the other hand, they are based on the desire to ensure regional security. In the 2000s. Relations between the People's Republic of China and the countries of Central Asia are developing quite steadily, which is manifested in the growth of bilateral trade, investments, construction of infrastructure facilities, cultural and educational cooperation. But, it is precisely economic relations that have been and remain a priority and, among other things, bring more benefits to the Chinese side. Mostly unprocessed natural resources are imported from Central Asian countries to the XUAR, while industrial products are exported. Within the study, attention is focused on the place and role of Xinjiang in China's relations with Central Asia. XUAR is a troubled region of the People's Republic of China and is characterized by separatist sentiments and a terrorist threat. China's policy in Central Asia is aimed at reducing this danger and ensuring a belt of stability around its borders. At the same time, Xinjiang's

economic development meets China's common interests, and Xinjiang's place in China's foreign policy is purely pragmatic and economic. The XUAR is an element of China's geopolitical strategy and its role is to serve as an economic bridge between the People's Republic of China and the Central Asian states. The purpose of the study is to identify the main trends in the economic interaction of the Xinjiang Uygur Autonomous Region with the countries of Central Asia and characterize its role in the political strategy of the People's Republic of China.

Keywords. China, Central Asia, Xinjiang Uygur Autonomous Region, trade and economic relations, “Belt and Road Initiative”, regional security issues.

Введение

Синьцзян-Уйгурский автономный район (СУАР) и страны Центральной Азии связывают длительная история взаимоотношений, хозяйственно-географическая, культурная и религиозная общность. В свое время через Синьцзян проходил Великий шелковый путь. Синьцзян представляет собой границу Китая с Центральной Азией: более 1 700 км с Казахстаном, более 1 000 км с Кыргызстаном и около 470 км с Таджикистаном. После образования Китайской Народной Республики и создания СУАР начинается новый этап экономического развития региона, характеризующийся активизацией советско-китайской торговли и развитием экономических связей между СУАР и советскими центральноазиатскими республиками. Со второй половины 1950-х гг. отношения между КНР и СССР становятся все более напряженными, а в 1960-е гг. экономические отношения почти полностью прекращаются. Только с конца 1980-х гг. начинают возобновляться экономические контакты между центральноазиатскими республиками СССР и СУАР. С началом экономических реформ в Китае и после распада СССР отношения между Синьцзяном и странами Центральной Азии резко расширились, а его экономическая роль возросла.

В 1990-е гг. начинается новый виток роста сепаратизма в СУАР. Внешнеполитическими причинами роста сепаратизма и экстремизма в Синьцзяне стало обретение центральноазиатскими странами независимости и приход к власти талибов в Афганистане. После терактов 11 сентября 2001 г. Китай активизировал свою борьбу с сепаратизмом в Синьцзяне как часть глобальной войны с терроризмом, сделав Центральной Азией партнером в этом направлении.

В рамках ШОС стали осуществляться совместные действия по борьбе с «тремя видами зла» — сепаратизмом, терроризмом и религи-

озным экстремизмом. Китай использовал ШОС как инструмент для укрепления своих позиций в Центральной Азии, двустороннюю дипломатию, чтобы создать прочную основу для своего продвижения в регионе. В то же время в начале нового тысячелетия возросли потребности КНР в энергоресурсах. Диверсификация поставок стала стратегическим вопросом, особенно с учетом воздействия терактов 11 сентября 2001 г. на доступ к мировым энергетическим рынкам и уязвимости поставок с Ближнего Востока [1, p. 141].

Изменения на международной арене сделали энергетическое сотрудничество сферой первостепенной важности в политике Китая в отношении Центральной Азии. В регион начали проникать крупные китайские корпорации. Синьцзян стал крупным узлом нефте- и газопроводов, нефтеперерабатывающей зоной для энергоносителей из Центральной Азии.

На территории центральноазиатского пространства большое значение имеют этнические связи. Так, в республиках Центральной Азии находятся уйгурские диаспоры, а на территории СУАР на сегодняшний день проживают около 1,5 млн казахов, 200 тыс. киргизов, 50 тыс. сарыкольцев и ваханцев, близких к таджикам и около 18 тыс. узбеков [2, с. 36]. Наличие этнических общностей зачастую положительно сказывается на заключении экономических сделок, культурно-образовательном сотрудничестве и отчасти способствует реализации политики «мягкой силы» Китая. В определенном смысле Синьцзян следует рассматривать не как автономный экономический субъект, а как фактор китайской политики в Центральной Азии [3, p. 88].

После распада Советского Союза центральноазиатские республики стали испытывать значительные экономические трудности. Были нарушены их прежние экономические связи. Система, в рамках которой они поставляли углеводороды и другие полезные ископаемые, а вза-

мен получали потребительские товары — больше не работала. И этот экономический вакуум был занят Китайской Народной Республикой, весьма заинтересованной в ресурсах новых центральноазиатских государств, которые в свою очередь стали нуждаться в китайской технике (в том числе и бытовой), товарах повседневного спроса. С точки зрения экономической динамики, почти все центральноазиатские страны являются наименее развитыми по стандартам Всемирного банка. После обретения независимости эти пять стран испытали экономический спад. Например, Казахстан, как крупнейший экономический субъект региона, пережил резкое снижение совокупных экономических показателей. Его ВВП снизился с 32,5 млрд долл. США в 1990 г. до 25,5 млрд долл. США в 2001 г. [4, р. 2]. В то же время Китай на протяжении уже почти 40 лет демонстрирует рост ВВП. Сотрудничество Китая с Центральной Азией интенсивно росло за последние десятилетия, при этом Китай вошел в тройку крупнейших торговых партнеров пяти стран Центральной Азии.

Целью данного исследования является выделение основных тенденций экономического взаимодействия Синьцзян-Уйгурского автономного района со странами Центральной Азии и характеристика его роли в экономической и политической стратегии КНР. В соответствии с поставленной целью предпринимается решение таких задач как: представление характеристики экономических интересов КНР в Центральной Азии, анализ внешнеэкономических операций СУАР, определение характера торгово-экономических отношений Синьцзяна с Центральной Азией.

Основные векторы экономического взаимодействия СУАР КНР со странами Центральной Азии

С каждой из центральноазиатских республик Китай выстраивает двухсторонние отношения, в основе которых формально лежат отношения взаимной выгоды и равноправия. Интересы Китая в Центральной Азии развивались постепенно и поэтапно. В начале 1990-х гг. Китайская Народная Республика устанавливала дипломатические отношения, затем удовлетворяла свои территориальные притязания, а позже, с начала 2000-х гг., стремилась к укреплению региональной безопасности в условиях борьбы с терроризмом. В первой половине 2000-х гг. Китай укрепил свои позиции в экономическом пространстве Центральной Азии, а с 2005 г.

стал искать способы продвижения китайского языка и культуры, используя инструменты «мягкой силы» [5, с. 157]. Параллельно Китай стал уделять большое внимание развитию транспортной инфраструктуры. В СУАР стали строиться скоростные автомобильные дороги, которые должны были связать Северо-Западный Китай со странами Центральной Азии¹. С 2005 г. начал функционировать нефтепровод «Казахстан — Китай», а в 2009 г. был открыт газовый трубопровод «Центральная Азия — Китай» и туркменский газ стал поступать через Узбекистан и Казахстан в Синьцзян [6, р. 235]. На сегодняшний день по этому трубопроводу в СУАР поступает также газ из Казахстана.

В 2013 г. Китай выступил с инициативой «Один пояс, один путь» («Belt and Road Initiative»), иногда называемой «Экономическим поясом Шелкового пути» (ЭПШП), что еще больше сблизило центральноазиатские государства с КНР.

Через Синьцзян проходят три транспортных маршрута (рис. 1), связывающие Китай с Центральной Азией, Западной и Южной Азией, и Россией. Главным фактором увеличения связанности СУАР с Центральной Азией является модернизация трансграничной инфраструктуры. В Синьцзяне на границе с Таджикистаном, Кыргызстаном и Казахстаном функционируют 10 автомобильных и железнодорожных пунктов пропуска, крупнейшими из которых являются Хоргос и Алашанькоу. В 2023 г. был разработан проект строительства железной дороги «Китай — Кыргызстан — Узбекистан», которая будет начинаться в Синьцзянском Кашгаре, являющемся крупной свободной экономической зоной².

На сегодняшний день экономическое взаимодействие между республиками Центральной Азии и Синьцзян-Уйгурским автономным районом, представляющим Китай, реализуется в разнообразных формах, включая двухстороннюю торговлю, открытие китайских компаний, вкладывание инвестиций, проведение промышленных ярмарок, деятельность официальных делегаций.

Казахстан. В центральноазиатском направлении китайско-казахстанские отношения выделяются особенно, что обусловлено рядом факторов. Среди них протяженность границ

¹ Китай создает Новый Шелковый путь. 2007. URL: http://vch.ru/event/view.html?alias=kitai_sozdaet_novyi_schelkovyi_put.

² China, Kyrgyzstan, Uzbekistan Railway Project Gets off the Ground. 2024. URL: <https://eurasianet.org/china-kyrgyzstan-uzbekistan-railway-project-gets-off-the-ground>.

Рис. 1. Транспортные маршруты, проходящие через СУАР в рамках Экономического пояса Шелкового пути

Источник: [Xinjiang: A Core Component of Belt and Road. URL: <https://beltandroad.hktdc.com/en/insights/xinjiang-core-component-belt-and-road>].

(1782 км), более чем 1,5 миллионная казахская этническая общность, проживающая в СУАР, длительные исторические контакты. Первые экономические договоры между КНР и Казахстаном в 1992 г. были подписаны от лица правительства Синьцзян-Уйгурского автономного района. В период с 2005 по 2023 г. Китай инвестировал в Казахстан 36,7 млрд долл. США из которых две трети суммы были вложены в энергетический сектор [7]. Как отмечает А.Н. Фартышев: «Главным торговым партнером Синьцзяна является Казахстан, занимающий практически половину доли экспорта и более трети доли импорта» [8, с. 19]. Товарооборот между Казахстаном и Синьцзяном в январе-июне 2023 г. составил 8,5 млрд долл. США, что на 87,3 % выше показателя аналогичного периода прошлого года [9]. Для правительства Казахстана Китай является важным торгово-экономическим партнером и крупнейшим инвестором. Но на уровне населения существуют настроения недовольства. В 2016 г. в западном Казахстане вспыхнули протесты из-за решения правительства предоставить иностранцам (гражданам КНР) сельскохозяйственные земли в аренду на срок до 25 лет. Позже в 2019 г. вновь прошли антикитайские

протесты, вызванные строительством заводов компаниями из КНР [10]. Недовольство казахов вызывает и политика ограничений центрального правительства КНР по отношению к тюркоязычным народам Синьцзяна, исповедующим ислам.

Кыргызстан. Как и в случае с Казахстаном, дипломатические отношения с Кыргызстаном КНР установила в 1992 г. и они традиционно оставались теплыми на официальном уровне. Хотя имелись разногласия по вопросу о приграничных территориях, на которые претендовала КНР. В 1999 г. территориальные проблемы были урегулированы и были заложены основы для китайских инвестиций. Постепенно отсталая экономика Кыргызстана оказывалась все более зависимой от китайских компаний. В 2019 г. половина внешнего долга Кыргызстана в размере 4 млрд долл. США приходилась на Китай. Тем не менее руководство Кыргызстана рассматривает взаимодействие с КНР как взаимовыгодное и называет Синьцзян «опорой торгово-экономического сотрудничества и воротами в Китай». По данным китайской статистики товарооборот между двумя странами в 2023 г. составил 19,8 млрд долл. США (из которых более 16 млрд пришлось на долю СУАР), увеличившись на 30 % по сравне-

нию с 2022 г.³ В то же время значительная часть кыргызского общества довольно негативно относится к экономической экспансии Китая.

Таджикистан. Таджикистан, как и другие центральноазиатские республики связан системой экономических соглашений с КНР. Китай является третьим по величине торгово-экономическим партнером Таджикистана [11]. Как и Кыргызстан, эта центральноазиатская республика пошла на территориальные уступки. В 2011 г. Таджикистан ратифицировал соглашение 1999 г. о передаче Китаю 1 122 км² в горах Памира, положив конец 130-летнему территориальному спору. Решение территориальных проблем способствовало получению государственных и частных кредитов. В результате к 2019 г. 40 % внешнего долга Таджикистана составляли кредиты китайского Эксимбанка. Чтобы погасить долг в размере 300 млн долл. США, Таджикистан передал Китаю в собственность прибыльный золотой рудник. Почти половина внешнего долга Таджикистана — около 1,38 млрд долл. США — приходится на Китай [10]. Частично это обусловлено тем, что экспорт таджикской продукции в Китай колоссально отстает от импорта китайских товаров. Рост торговли в последние годы осуществляется в интересах КНР и СУАР⁴.

Узбекистан. Узбекистан является привлекательным экономическим партнером для Китая, поскольку он обеспечивает инвестиции в различные области, такие как производство, недвижимость, складское хозяйство и логистика, торговля и образование. В 1992 г. две страны подписали «Экономическое и торговое соглашение», по которому они предоставили друг другу статус режима наибольшего благоприятствования. В 2021 г. доля Китая во внешнеторговом обороте Узбекистана составила 17,7 % [12]. При этом природные ресурсы, особенно газ, составляют более 50% узбекского экспорта в Китай. По итогам 2021 г. объем китайских инвестиций в экономику Узбекистана составил 9 млрд долл. США⁵. В то же время в экономических взаимо-

отношениях двух государств существуют схожие проблемы. Присутствует дисбаланс в видах обмениваемых товаров: Узбекистан поставляет в Китай природное сырье, а взамен получает промышленные товары.

Туркменистан. Китай системно развивает свои отношения с Туркменистаном начиная с 1991 г. Так, Китай и Туркменистан совместно с Узбекистаном и Казахстаном построили газопровод «Китай — Центральная Азия», который был запущен в 2009 г., и с того времени Туркменистан поставил в Китай более 380 млрд м³ природного газа, при этом совокупная стоимость прямой торговли газом превысила 72 млрд долл. США [13]. Доходы от торговли газом стали основным источником валютных поступлений Туркменистана. С 2012 г. Китай является основным экспортным партнером Туркменистана, а в 2023 г. экспорт Туркменистана в КНР превысил 9 млрд долл. США⁶.

Обобщая вышеизложенное, необходимо отметить, что страны Центральной Азии находятся в разной степени финансовой зависимости от КНР и в различающихся зонах риска. В отличие от Казахстана, который может поддерживать свои высокие долги за счет доходов, получаемых от своего энергетического сектора, бедные ресурсами Таджикистан и Кыргызстан подвергаются большому риску дефолта. Но риски существуют и для КНР. На данный момент правительства Центральной Азии, сдерживают местные антикитайские настроения. Но противодействие со стороны населения остается угрозой экономической повестке для Китая в долгосрочной перспективе.

Торгово-экономические отношения Синьцзяна с Центральной Азией

В отношениях с центральноазиатскими государствами у Китая преобладают торгово-экономические интересы и вектор региональной безопасности. Западный эксперт по СУАР — М. Кларк следующим образом описывает стратегию Китая: «Безопасность внутри Синьцзяна может быть достигнута за счет экономического роста, в то время как экономический рост должен быть обеспечен усилением государственных инструментов политического и социального контроля и путем открытия региона для Центральной Азии. Кроме того, экономическое

³ Kyrgyzstan and China's Xinjiang Expand Economic Cooperation // Times of Central Asia. 2024. URL: <https://times-ca.com/kyrgyzstan-and-chinas-xinjiang-expand-economic-cooperation/>.

⁴ СУАР нарастил объем торговли с Таджикистаном на 97,3%. URL: <https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/economic/20231220/suar-narastil-obem-torgovli-s-tadzhikistanom-na-973>.

⁵ Лидеры Узбекистана и Китая выступили за дальнейшее укрепление отношений всестороннего стратегического партнерства // Президент республики Узбекистан. 2022. URL: <https://president.uz/ru/lists/view/4962>.

⁶ Macroeconomic and Financial Data. URL: <https://data.imf.org/?sk=9D6028D4-F14A-464C-A2F2-59B2CD-424B85&slid=1515619375491>.

открытие Центральной Азии предоставляет Пекину инструмент воздействия, чтобы побудить центральноазиатские государства помочь в его стремлении защитить Синьцзян от сепаратистских элементов» [14, р. 150].

Китайские политики и ученые неоднократно утверждали, что Китай должен осуществлять «движение на запад». Под этой стратегией понимается социально-экономическое развитие западных провинций КНР и в первую очередь СУАР, усиление китайского политического и экономического присутствия в центральноазиатских государствах. Центральная Азия является важным пунктом в стратегии национальной безопасности Китая. В свою очередь Синьцзян играет незаменимую роль в китайской политике «движения на запад» [15, р. 515].

Хотя Синьцзян-Уйгурский автономный район и не относится к Центральной Азии в узком смысле, но он очень тесно связан с этим регионом. С точки зрения географической структуры экспорта Синьцзяна страны Центральной Азии входят в первую зону (страны, удаленные не более чем на 2 000 км от границы) [8, с. 17]. В настоящее время Синьцзян-Уйгурский автономный район отличается большим объемом приграничной торговли и транзитных перевозок со странами Центральной Азии [16, р. 88].

Центральная Азия с ее растущим населением представляет собой перспективный рынок для сбыта китайских промышленных товаров. Население Узбекистана составляет свыше 35 млн чел., Казахстана — 19,6 млн, Таджикистана — 10 млн

и более чем по 6,5 млн чел. в Туркменистане и Кыргызстане, и это та социальная база, которая нуждается в импортных товарах из соседнего региона. В свою очередь Синьцзян с населением в 26 млн чел. обладает огромным потенциалом для постоянного поглощения сырьевых товаров из стран Центральной Азии (рис. 2).

С углублением связей между Китаем и Центральной Азией Синьцзян-Уйгурский автономный район на северо-западе Китая стал одним из ведущих регионов в рамках вектора открытия Китая для Запада и сотрудничества с соседними странами. Крупные инвестиции Китая и перенос производства в Синьцзян сделали этот регион важным транспортным узлом и региональным производственным центром сотрудничества Китая и Центральной Азии. Синьцзян обладает уникальными географическими преимуществами, которые привели к развитию региональной торговли и экономического обмена. По уровню своего экономического развития СУАР находится на 24-м месте из 31 провинции КНР. Но его низкие показатели на общекайтайском фоне не снижают перспективности в отношениях с Центральной Азией. Синьцзян отстает от большинства китайских провинций, но по ряду показателей опережает соседние страны. В то же время, развивая сотрудничество с центральноазиатскими государствами, Китай решает проблемы экономического развития СУАР.

Данные, представленные на рис. 3 и 4, наглядно демонстрируют объем экономических связей между СУАР и странами Центральной

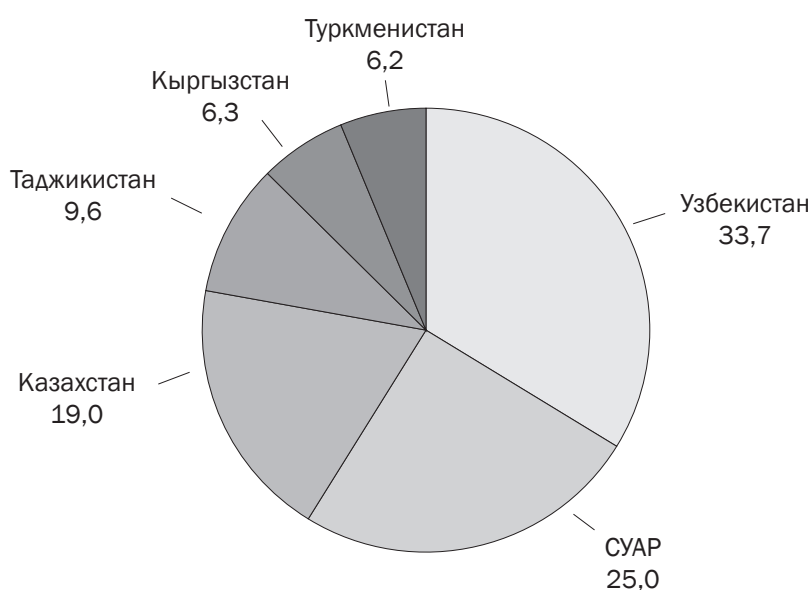

Рис. 2. Процентное соотношение численности населения СУАР и государств Центральной Азии*

* Составлен автором по: Countries in the World by Population (2024). URL: <https://www.worldometers.info/world-population/population-by-country>.

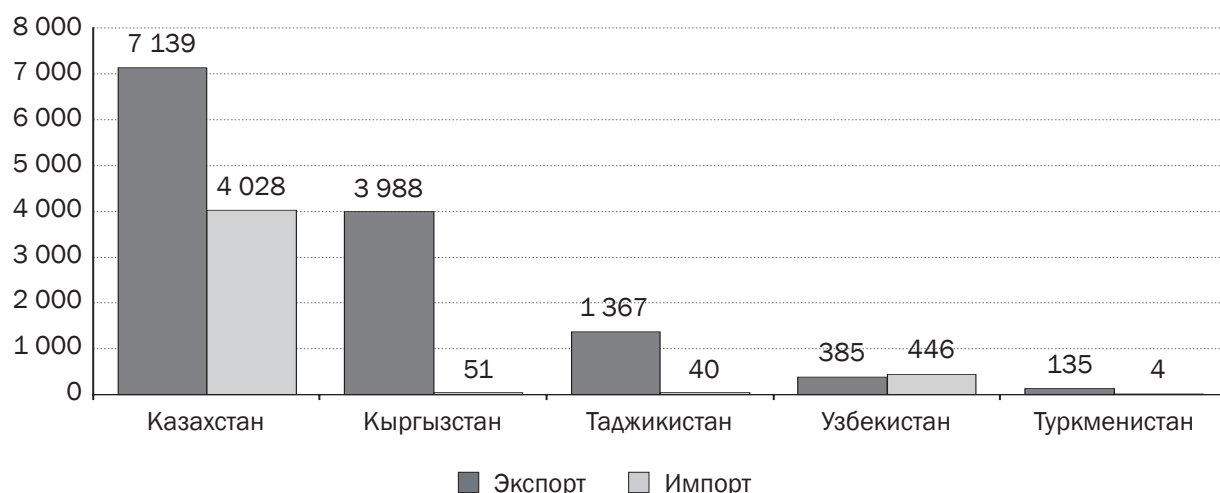

Рис. 3. Внешнеторговые операции СУАР со странами Центральной Азии в 2012 г. (млн долл. США)*

* Составлен автором по: 新疆维吾尔自治区2010年国民经济和社会发展统计公报 [Xinjiang Uygur Autonomous Region. National Statistical Bulletin of Economic and Social Development for 2012]. URL: <https://tj.xinjiang.gov.cn/tjj/tjgn/201103/fb18f9da2957402295d0ad32d2c23162.shtml> ; China Statistical Yearbook, 2013. URL: <https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2013/html/Z0607e.htm>.

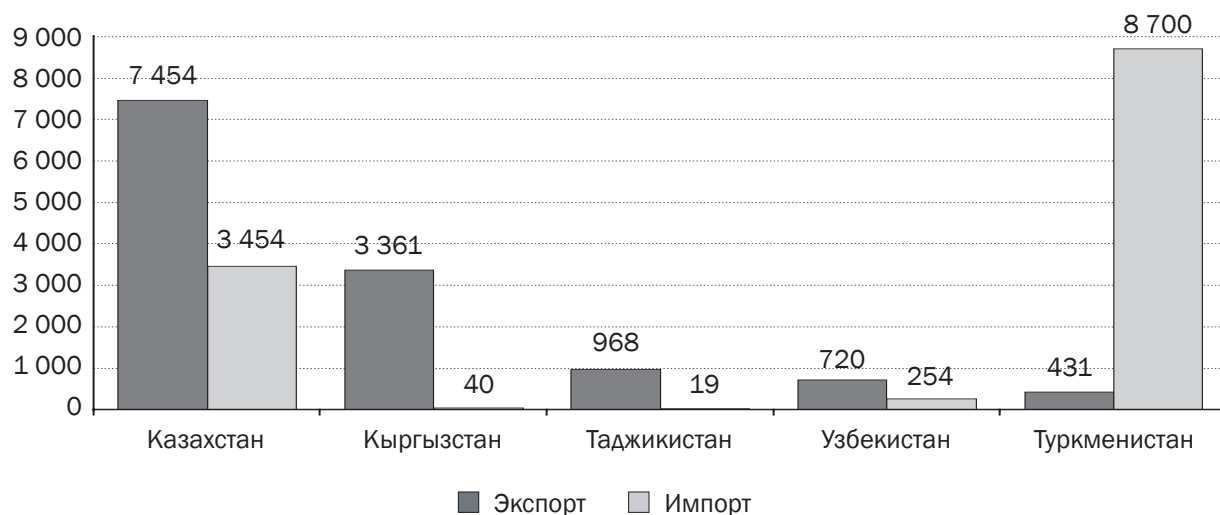

Рис. 4. Внешнеторговые операции СУАР со странами Центральной Азии в 2019 г. (млн долл. США)*

* Составлен автором по: Xinjiang Statistical Yearbook, 2020. URL: <https://shahit.biz/yearbooks/Xinjiang%20Statistical%20Yearbook%202020.pdf>.

Азии. При этом 2012 и 2019 гг. выбраны не случайно — 2012 г. предшествовал началу проекта ЭПШП, а 2019 г. был последним перед началом пандемии COVID-19. Данные диаграмм показывают, что и до развития ЭПШП, экономические контакты были достаточно интенсивными и Китай в системе двухсторонних отношений с центральноазиатскими республиками достаточно успешно решал свои экономические задачи. В свою очередь после развития новой торгово-экономической модели в Евразии — объемы экспорта и импорта СУАР возросли. Безусловно, пандемия отрицательно сказалась на трансграничной торговле, но с 2021–2022 гг. показатели снова стали расти.

В 2022 г. общий торговый оборот СУАР составил 246 млрд юаней (около 33,58 млрд долл. США), увеличившись на 57 %. По темпам роста СУАР занял первое место в Китае. На долю республик Центральной Азии пришлось около 119 млрд юаней (16,24 млрд долл. США) [9].

По данным правительства автономного района, в 2023 г. внешняя торговля СУАР составила 357,33 млрд юаней (50,42 млрд долл. США), увеличившись на 45,9 % в годовом исчислении и заняв второе место среди китайских провинций по темпам роста [17]. По данным “Xinjiang Daily” экспорт СУАР в пять стран Центральной Азии вырос на 23,2 % и составил 283,72 млрд юаней (40 млрд долл. США). В 2023 г. в Синьцзяне дей-

ствовало 2 972 внешнеторговых предприятия и автономный район вел торговлю с 192 странами и регионами по всему миру⁷, но 79,4 % оборота⁸ пришлось на страны Центральной Азии, продолжающие оставаться крупнейшим торговым рынком для СУАР.

По мнению экспертов, после саммита «Китай — Центральная Азия», состоявшегося в мае 2023 г. сотрудничество между КНР и ЦАР углубилось, что открыло больше возможностей для Синьцзян-Уйгурского автономного района.

⁷ The Structure of Xinjiang's Total Import-Export Volume by Type of Trade. 2024. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202401/1305910.shtml>.

⁸ Xinjiang Sees Robust Growth in Trade, GDP, Laying Bare Failure of Western Crackdown. 2024. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202402/1306742.shtml>.

Данные, представленные на рис. 5 и 6, иллюстрируют структуру импорта и экспорта Синьцзяна. Из стран Центральной Азии в СУАР завозятся в основном переработанные природные ресурсы, а вывозится промышленная продукция — товары, обладающие гораздо более высокой стоимостью, что и объясняет несбалансированность экспортно-импортных операций для двух сторон. Диаграммы наглядно демонстрируют выгоду СУАР и КНР в сравнении с их центральноазиатскими партнерами.

В 2023 г. несколько изменились объемы экспорта СУАР в отдельные центральноазиатские республики. Впервые за долгие годы на первом месте оказался Кыргызстан, куда было поставлено китайских товаров на большую сумму, чем в Казахстан. Это объясняется стремле-

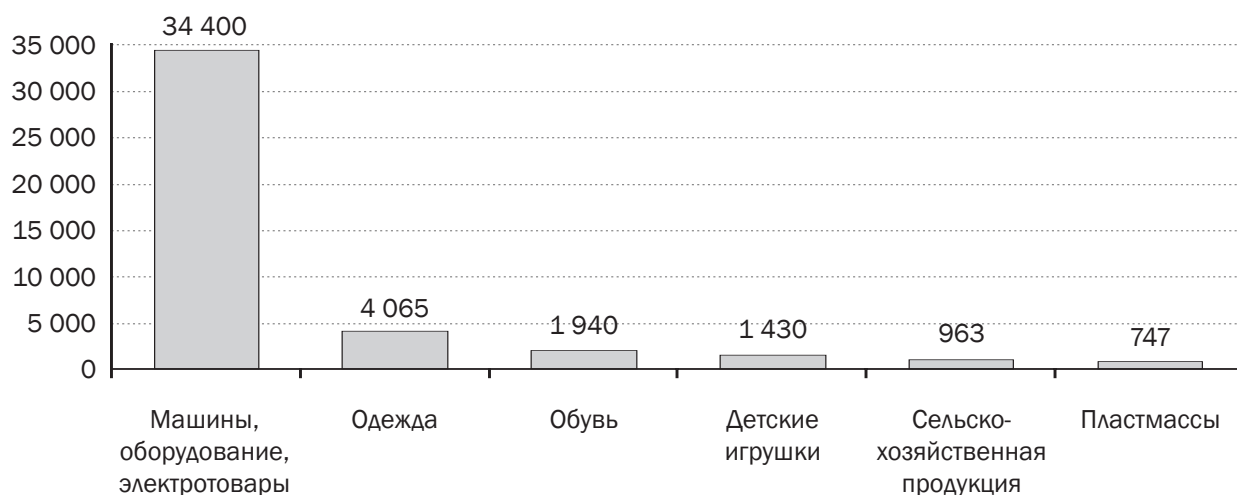

Рис. 5. Ведущие товарные позиции в структуре экспорта СУАР в 2023 г. (млн долл. США)*

* Составлен автором по: Observatory of Economic Complexity : Xinjiang Uygur Autonomous Region. URL: https://oec.world/en/profile/subnational_chn/xingjiang-uygur-autonomous-region.

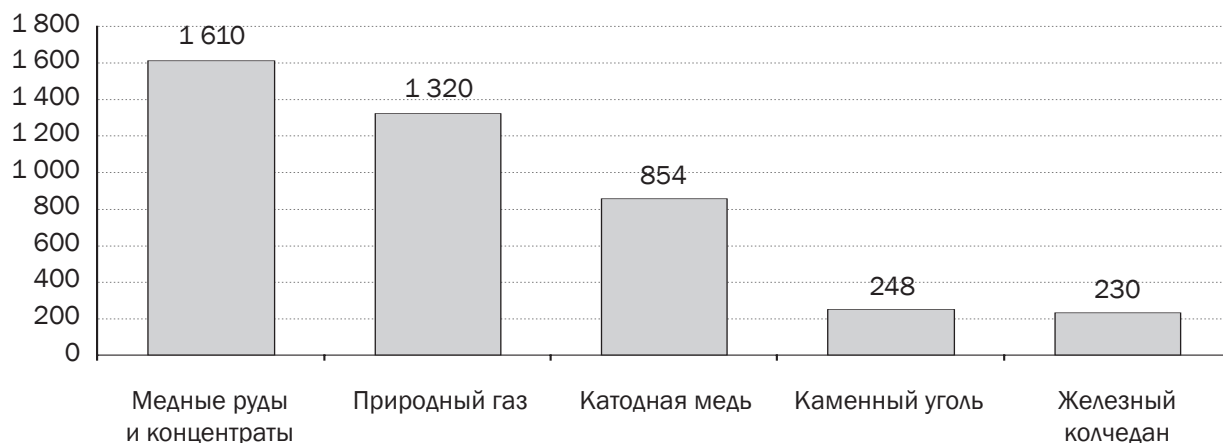

Рис. 6. Ведущие товарные позиции в структуре импорта СУАР в 2023 г. (млн долл. США)*

* Составлен автором по: Observatory of Economic Complexity : Xinjiang Uygur Autonomous Region. URL: https://oec.world/en/profile/subnational_chn/xingjiang-uygur-autonomous-region.

нием Казахстана сделать национальный рынок более суверенным, постепенным развитием казахстанской промышленности. Кроме того, влияние Таможенного союза России, Белоруссии и Казахстана ослабило конкурентоспособность экспортных товаров Китая⁹. Тем не менее, Казахстан остается важным торговым партнером Синьцзяна, поставившего в эту центральноазиатскую республику в 2023 г. товаров на сумму более 15 млрд долл. США. Экспорт СУАР в Таджикистан и Узбекистан составил более 3 млрд долл. США. На фоне торгово-экономического взаимодействия СУАР с Казахстаном, Кыргызстаном, Таджикистаном и Узбекистаном, товарооборот с Туркменистаном является относительно небольшим. Примечательно, что в 2023 г. товарооборот Туркменистана и КНР превысил 10 млрд долл. США, но на долю Синьцзяна пришлось чуть более 30 млн долл. США (рис. 7).

Опираясь на действительно хорошие показатели, правительство СУАР заявило в феврале 2024 г., что автономный район будет поддерживать рост экспорта и импорта до 20 % в текущем году¹⁰. Как подтверждает статистика, данную задачу удастся реализовывать. По данным Хуацзинского института промышленных исследований, с января по май 2024 г. общий объем экспорта и импорта СУАР составил 26,138 млрд долл. США, что на 7,96 млрд долл.

⁹ A Belt and Road Development Story: Trade between Xinjiang and Central Asia. 2016. URL: <https://beltandroad.hktdc.com/en/insights/belt-and-road-development-story-trade-between-xinjiang-and-central-asia>.

¹⁰ Xinjiang sees robust growth in trade, GDP, laying bare failure of Western crackdown. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202402/1306742.shtml>.

больше чем за тот же период прошлого года. В результате рост по сравнению с аналогичным периодом составил 47,3 %¹¹.

Заключение

В заключение необходимо остановиться на основных тенденциях экономического взаимодействия Синьцзян-Уйгурского автономного района со странами Центральной Азии и его месте в экономической и политической стратегии КНР.

Во-первых, центрально-азиатские республики являются основными внешнеэкономическими партнерами СУАР, на долю которых приходится более 70 % его внешнеторгового оборота.

Во-вторых, торговый баланс между СУАР и государствами Центральной Азии характеризуется устойчивым положительным сальдо в пользу Синьцзяна (см. рис. 3, 4, 7). Это означает их безусловную зависимость от китайских товаров, поставщиком которых является СУАР.

В-третьих, сохраняется рост взаимной торговли. Во многом это обусловлено предоставлением торговых кредитов со стороны Китая, которые предназначены для приобретения китайских товаров или реализации проектов с участием китайских компаний из Синьцзяна и иных провинций КНР.

В-четвертых, торгово-экономические отношения носят несбалансированный (непаритетный) характер. Из СУАР в страны Центральной Азии поступают преимущественно промышлен-

¹¹ 2024年5月新疆维吾尔自治区商品收发货人所在地进出口总额及进出口差额统计分析. URL: <https://www.huaon.com/channel/tradedata/995529.html>.

Рис. 7. Товарооборот СУАР со странами Центральной Азии в 2023 г. (млн долл. США)*

* Составлен автором по: Observatory of Economic Complexity : Xinjiang Uygur Autonomous Region. URL: https://oec.world/en/profile/subnational_chn/xinjiang-uygur-autonomous-region ; China USD : Foreign Trade: Xinjiang. 2024. URL: <https://www.ceicdata.com/en/china/usd-foreign-trade-xinjiang>.

ные товары и зависимость этих стран усиливаются, они превращаются преимущественно в поставщиков сырья и природных ресурсов. В государствах центральноазиатского региона присутствуют почти все крупные компании СУАР, часть из них участвует в добыче и транспортировке полезных ископаемых, другие занимаются торговлей.

В-пятых, в последние годы возникают определенные проблемы во внешней торговле Синьцзяна. Так, например, Таможенный союз России, Беларуси и Казахстана поощряет торговлю между государствами-членами, что оказывает пагубное влияние на импорт из СУАР. На фоне этого происходит некоторое ослабление конкурентоспособности экспортных товаров Китая. Кроме того, некоторые компании из Центральной Азии стали совершать покупки в провинции Чжэцзян, что повлияло на посредническую роль Синьцзяна.

Вполне закономерным является то, что внешнеэкономическая политика КНР, плацдармом которой в странах Центральной Азии является Синьцзян — вызывает в регионе алармистские настроения. Так, исследование, проведенное в 2020 г. журналом “Central Asia Barometer” показало, что жители Центральной Азии все более обеспокоены присутствием Китая в регионе. В Узбекистане — 48 %, в Кыргызстане — 9 %, а в Казахстане — только 7 % населения выразили поддержку по отношению к китайским экономическим проектам¹². В Узбекистане, который — в отличие от Казахстана и Кыргызстана — напрямую не граничит с Китаем, местные жители с несколько большим энтузиазмом относятся к китайским инвестициям, но даже там растет скептицизм.

В то же время, говоря об «угрозе» Китая следует учитывать следующие обстоятельства. Во-первых, Китайская Народная Республика разрешила свои территориальные разногласия со странами Центральной Азии и больше не имеет официальных претензий. Китай не ставит

своей целью захват сопредельных территорий, которые и так работают в его интересах [18, с. 224]. Во-вторых, Синьцзян-Уйгурский автономный район является одним из важнейших звеньев в функционировании проекта «пояса и пути», охватывающего большую часть Евразии, в реализации которого заинтересованы все стороны. В-третьих, экономическое развитие СУАР, в том числе за счет стран Центральной Азии, направлено на решение проблемы этнического сепаратизма в КНР и стабилизации обстановки в регионе.

В целом стратегия Китая представляет собой сложную сеть связей между его императивами интеграции и контроля в Синьцзяне, его стремлением к безопасности и влиянию в Центральной Азии и его всеобъемлющим стремлением достичь «мирного подъема» к статусу великой державы [3, р. 104]. Развивая свои отношения с соседними государствами, Китай способствует экономическому развитию Синьцзяна и предотвращению в автономном районе сепаратистских и экстремистских проявлений. Поддержание стабильности в СУАР крайне важно, поскольку все газо- и нефтепроводы из Центральной Азии проходят через этот регион, и, если он станет дестабилизированным, это нанесет серьезный ущерб китайской экономике [19, р. 240].

Роль Синьцзяна продолжает оставаться очень важной на всех уровнях китайских интересов в Центральной Азии, что делает его своего рода «проводником» китайской политики. В системе региональных геополитических интересов Китая СУАР является «буферной зоной», которая защищает от любой возможной нестабильности в Центральной Азии. Синьцзян служит мостом для китайской экономической экспансии в Центральную Азию и воротами, через которые Китай может направлять свое политическое влияние.

В конечном итоге Китай продолжает достаточно успешно решать свои национальные задачи: поддерживать стабильность в Синьцзяне и сохранять территориальную целостность страны, диверсифицировать источники энергии, получать значительную экономическую прибыль и удерживать Центральную Азию в сфере своего влияния.

Список использованной литературы

1. Zhao Huasheng. Central Asia in China's Diplomacy / Huasheng Zhao // Central Asia. View from Washington, Moscow and Beijing. — New York : M.E. Sharpe, 2007. — P. 137–213.
2. Буяров Д.В. Синьцзян-Уйгурский автономный район в международных отношениях Китая: часть Нового шелкового пути или очаг конфликта? / Д.В. Буяров. — DOI 10.31857/S032150750016491-2. — EDN ZSDYTY // Азия и Африка сегодня. — 2022. — № 7. — С. 31–39.

3. Tukmadiyeva M. Xinjiang in China's Foreign Policy Toward Central Asia / M. Tukmadiyeva // *The Quarterly Journal*. — 2013. — Vol. 12. — P. 87–108.
4. Du Yaping. An Analysis of the Prospects of the Regional Economic Cooperation Between China and Central Asia / Yaping Du // *Asia and Africa Review*. — 2004. — No. 4. — P. 1–5.
5. Буяров Д.В. Китай и Центральная Азия: аспекты взаимодействия / Д.В. Буяров // *Современный Китай и его окружение* / отв. ред. Д.В. Буяров, Д.В. Кузнецов. — Москва : КРАСАНД, 2014. — С. 141–197.
6. Högselius P. The Hidden Integration of Central Asia: The Making of a Region Through Technical Infrastructures / P. Högselius // *Central Asian Survey*. — 2021. — No. 41(2). — P. — 223–243.
7. Osipova I. China to Stay Long in Power Sector of Kazakhstan / I. Osipova // *Central Asian Bureau for Analytical Reporting*. — 2023. — URL: <https://cabar.asia/en/china-to-stay-long-in-power-sector-of-kazakhstan>.
8. Фартышев А.Н. Экономическое развитие Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая как внутриконтинентальной территории / А.Н. Фартышев. — DOI 10.17150/2587-7445.2022.6(1).13-21. — EDN ETFYMC // *Российско-китайские исследования*. — 2022. — Т. 6, № 1. — С. 13–21.
9. Bifulchi G. Xinjiang's Role in Promoting Kazakhstan-China's Trade and Economic Cooperation / G. Bifulchi // *Special Eurasia. Geopolitical Report 2023*. — 2023. — Vol. 34, no. 3. — URL: <https://www.specialeurasia.com/2023/09/07/xinjiang-kazakhstan-china/>.
10. Jardine B. Why are There anti-China protests in Central Asia? / B. Jardine // *The Washington Post*. 2019. — URL: <https://www.washingtonpost.com/politics/2019/10/16/why-are-there-anti-china-protests-central-asia/>.
11. Sidana G. China's Growing Engagement with Central Asia / G. Sidana // *Indian Council of World Affairs*. — 2022. — URL: https://www.icwa.in/show_content.php?lang=1&level=1&ls_id=7235&lid=4891.
12. Umarova N. China and Uzbekistan: Investments, Projects, and Areas of Cooperation / N. Umarova // *Central Asian Bureau for Analytical Reporting*. — 2022. — URL: <https://cabar.asia/en/china-and-uzbekistan-investments-projects-and-areas-of-cooperation>.
13. Xu Changzhi. Turkmenistan Exploring More Devt Opportunities with China / Xu Changzhi, Su Chang, Chen Dongjie // *GlobalTimes*. — 2024. — URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202401/1305675.shtml>.
14. Clarke M. Xinjiang and the Great Islamic Circle: The Impact of Transnational Forces on Chinese Regional Economic Planning / M. Clarke, G. Cristofferson // *The China Quarterly*. — 1993. — Vol. 133. — P. 130–151.
15. Li Mingjiang. From Look-West to Act-West: Xinjiang's role in China – Central Asian relations / Mingjiang Li // *Journal of Contemporary China*. — 2016. — No. 25(100). — P. 515–528.
16. Tian R. Guang. Xinjiang and Its Role in Greater Central Asian Regional Economic Cooperation / R. Guang Tian // *Central Asia and the Caucasus*. — 2009. — no. 1(55). — P. 85–94.
17. 艾尔肯吐尼亚孜. 年自治区政府工作报告. 2024 [Тунияз Э. Годовой отчет о работе правительства автономной области. 2024 / Э. Тунияз]. — URL: <https://www.xinjiang.gov.cn/xinjiang/xjzfgzbg/202402/04846067f9744516bb897f7d530195e2.shtml>.
18. Сыроежкин К.Л. Синьцзян: большой вопрос для Китая и Казахстана / К.Л. Сыроежкин. — Алматы : ИМЭП при Фонде Первого Президента, 2015. — 336 с.
19. Melnikovova L. China's Interests in Central Asian Economies / L. Melnikovova // *Human Affairs*. — 2020. — Vol. 30, no. 2. — P. 239–252.

References

1. Zhao Huasheng. Central Asia in China's Diplomacy. *Central Asia. View from Washington, Moscow and Beijing*. New York, M.E. Sharpe, 2007, pp. 137–213.
2. Buyarov D.V. Xinjiang Uygur Autonomous Region in China's International Relations: A Part of the New Silk Road or a Hotbed of Conflict? *Aziya i Afrika segodnya = Asia and Africa today*, 2022, no. 7, pp. 31–39. (In Russian). EDN: ZSDYTY. DOI: 10.31857/S032150750016491-2.
3. Tukmadiyeva M. Xinjiang in China's Foreign Policy Toward Central Asia. *The Quarterly Journal*, 2013, vol. 12, pp. 87–108.
4. Du Yaping. An Analysis of the Prospects of the Regional Economic Cooperation Between China and Central Asia. *Asia and Africa Review*, 2004, no. 4, pp. 1–5.
5. Buyarov D.V. China and Central Asia: Aspects of Interaction. In Buyarov D.V., Kuznetsov D.V. *Modern China and Its Environment*. Moscow, KRASAND Publ., 2014, pp. 141–197 p.
6. Högselius P. The Hidden Integration of Central Asia: The Making of a Region Through Technical Infrastructures. *Central Asian Survey*, 2021, no. 41(2), pp. 223–243.

7. Osipova I. China to Stay Long in Power Sector of Kazakhstan. *Central Asian Bureau for Analytical Reporting*. 2023. Available at: <https://cabar.asia/en/china-to-stay-long-in-power-sector-of-kazakhstan>.
8. Fartyshhev A.N. Economic Development of the Xinjiang Uygur Autonomous Region of China as an Inland Territory. *Rossiisko-kitaiskie issledovaniya = Russian and Chinese Studies*, 2022, vol. 6, no. 1, pp. 13–21. (In Russian). EDN: ETFYMC. DOI: 10.17150/2587-7445.2022.6(1).13-21.
9. Bifolchi G. Xinjiang's Role in Promoting Kazakhstan-China's Trade and Economic Cooperation. *Special Eurasia. Geopolitical Report 2023*, 2023, vol. 34, no. 3. Available at: <https://www.specialeur-asia.com/2023/09/07/xinjiang-kazakhstan-china/>.
10. Jardine B. Why are There Anti-China Protests in Central Asia? *The Washington Post*. 2019. Available at: <https://www.washingtonpost.com/politics/2019/10/16/why-are-there-anti-china-protests-central-asia/>.
11. Sidana G. China's Growing Engagement with Central Asia. *Indian Council of World Affairs* 2022. Available at: https://www.icwa.in/show_content.php?lang=1&level=1&ls_id=7235&lid=4891.
12. Umarova N. China and Uzbekistan: Investments, Projects, and Areas of Cooperation. *Central Asian Bureau for Analytical Reporting*. 2022. Available at: <https://cabar.asia/en/china-and-uzbekistan-investments-projects-and-areas-of-cooperation>.
13. Xu Changzhi, Su Chang, Chen Dongjie. Turkmenistan Exploring More Devt Opportunities with China. *GlobalTimes*. 2024. Available at: <https://www.globaltimes.cn/page/202401/1305675.shtml>.
14. Clarke M., Cristofferson G. Xinjiang and the Great Islamic Circle: The Impact of Transnational Forces on Chinese Regional Economic Planning. *The China Quarterly*, 1993, vol. 133, pp. 130–151.
15. Li Mingjiang. From Look-West to Act-West: Xinjiang's Role in China — Central Asian Relations. *Journal of Contemporary China*, 2016, no. 25(100), pp. 515–528.
16. Tian R. Guang. Xinjiang and Its Role in Greater Central Asian Regional Economic Cooperation. *Central Asia and the Caucasus*, 2009, no. 1(55), pp. 85–94.
17. Erkentuniyaz. *Nián zìzhìqū zhèngfǔ gōngzuò bàogào* [Report on the work of the autonomous region government]. 2024. Available at: <https://www.xinjiang.gov.cn/xinjiang/xjzfgzb-g/202402/04846067f9744516bb897f7d530195e2.shtml>.
18. Syroezhkin K.L. *Xinjiang: Big Issue for China and Kazakhstan*. Almaty, IMEP at the Foundation of the First President Publ., 2015. 336 p.
19. Melnikovova L. China's Interests in Central Asian Economies. *Human Affairs*, 2020, vol. 30, no. 2, pp. 239–252.

Информация об авторе

Буяров Дмитрий Владимирович — кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории, философии и культурологии, Благовещенский государственный педагогический университет, г. Благовещенск, Российская Федерация, buyarov_d@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8337-6817>.

作者信息

Dmitry V. Buyarov — 哲学副博士, 副教授, 世界通史、哲学与文化学教研室主任, 布拉戈维申斯克国立师范大学, 布拉戈维申斯克市, 俄罗斯联邦, buyarov_d@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8337-6817>.

Author

Dmitry V. Buyarov — PhD in Philosophy, Associate Professor, Head of the Department of General History, Philosophy and Cultural Studies, Blagoveshchensk State Pedagogical University, Blagoveshchensk, Russian Federation, buyarov_d@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8337-6817>.

Для цитирования

Буяров Д.В. Место и роль Синьцзян-Уйгурского автономного района в экономических отношениях Китая со странами Центральной Азии в 2000-е гг. / Д.В. Буяров. — DOI 10.17150/2587-7445.2024.8(3).193-205. — EDN TONQIQ // Российско-китайские исследования. — 2024. — Т. 8, № 3. — С. 193–205.

For Citation

Buyarov D.V. The Place and Role of the Xinjiang Uygur Autonomous Region in China's Economic Relations with Central Asian States in the 2000s. *Rossiisko-Kitaiskie Issledovaniya = Russian and Chinese Studies*, 2024, vol. 8, no. 3, pp. 193–205. (In Russian). EDN: TONQIQ. DOI: 10.17150/2587-7445.2024.8(3).193-205.